

INSTYTUT SŁAWISTYKI POLSKIEJ AKADEMII NAUK
TOWARZYSTWO NAUKOWE WARSZAWSKIE

ACTA
BALTICO-SLAVICA
XXXII

SŁAWISTYCZNY
OŚRODEK
WYDAWNICZY

Warszawa 2008

Юлия Гурская

Белорусский государственный
педагогический университет имени Максима Танка,
Минск

Викintas Вайткявичус

Клайпедский университет
Клайпеда

Проф. Анатолию Непокупному
(1932–2006)

**БАЛТИЙСКОЕ НАСЛЕДИЕ В ВОСТОЧНОЙ
БЕЛАРУСИ: НОВЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ
И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ОБ ОБОЛЬЦАХ**

В течение 2005–2006 г. авторами проводились комплексные исследования региона верховьев Вилии (Нерис), целью которых было изучение балтийского субстрата в языке и культуре на территории центральной Беларуси (северной части Минской, южной части Витебской и восточной части Гродненской областей). Анализу были подвергнуты археологические, лингвистические и фольклорные данные. В исследованиях приняли участие также ученые из Литвы и Беларуси.

Сочетание полевых исследований с архивными историческими и лингвистическими материалами выявило новые аспекты балто-славянских отношений на территории Беларуси. В результате исследований авторы пришли к выводу, что элементы балтийского субстрата разного характера до сих пор очевидны в культуре населения центральной части Беларуси, что, в некоторой степени, относится и к местности Гайна современного Логойского района Минской области.

Обратимся к исследованному материалу. С исторической точки зрения Гайна является одним из двух самых отдаленных католических приходов, основанных великим князем Ягайлой в 1387 году [Ochmański 1981: 56-57]. В связи с этим актуальным остаётся вопрос о втором католическом приходе, основан-

ном Ягайлой, в частности, об Оболяцах. Этот населенный пункт расположен в 140 км северо-восточнее Гайны (по современному территориальному делению – Толочинский район Витебской области).

Настоящая статья посвящена анализу антропонимии, уточнению некоторых прежних положений в историографии о населении Обольцев, а также формулировке задач научного изучения данного региона в дальнейшем.

Вопрос о балтийском наследии в регионе Обольцы (южная часть Сенненского и северная часть Толочинского районов) в научный оборот впервые ввел известный польский историк Е. Охманьский [Ochmański 1967; 1981: 57-65]. Указанную выше проблему он рассматривал в контексте крещения всех литовцев (*omnes nacione Lithvanos*) великим князем Ягайлой в 1387 г., а также на фоне общеполитической ситуации в Великом княжестве Литовском на протяжении XIV–XVII вв. Одним из основных выводов его исследования стало положение о том, что литовское население, засвидетельствованное в волости Обольцы в XIV–XVI вв., является реликтовой частью ареала балтов, проживавших в древности на территории Беларуси, о чем свидетельствуют исторические данные, а также древний пласт балтийской гидронимии и топонимии в данном регионе. При этом автор не исключал возможности, что в это время там могли присутствовать литовцы-переселенцы [Ochmański 1967: 156-157]. По мнению другого известного польского историка – Г. Ловмянского, литовское население в Оболяцах появилось в период между 1318–1345 гг. [Łowmiański 1968: 18] в результате проводимой политики великого князя литовского Ольгерда, хотя, согласно Е. Охманьскому, подтверждения этому положению в письменных источниках нет [Ochmański 1981: 65].

Данную проблему исследовал также А. П. Непокупный. Основные результаты исследования А. Непокупного и его суммирующая позиция о том, что литовская колонизация Обольцев, как и других восточнославянских земель, является более вероятной, представлена в одном из разделов монографии А. Непокупного «Балто-севернославянские связи» [1976: 162-165]. В конце прошлого и в начале нынешнего столетия н.п. Обольцы было уделено внимание в работах литовских и белорусских ученых, где уточнены некоторые положения предыдущих исследователей. Заслуживает внимания положение географа П. Гаучуса о том, что Обольцы, как и другие исторически засвидетельствованные анклавные балтийского населения на востоке, находятся в лесистом районе водораздела между бассейнами рек Двины (Даугавы) и Днепра [Gaučas 2004: 19-20], что создавало благоприятные условия для сохранения балтийских островков среди славяноязычного населения.

В данной статье представлены результаты международной экспедиции, которая была предпринята в мае 2006 года с целью верификации гипотезы Е. Охманьского, а также выявления новых данных в обозначенном регионе. В результате исследования были получены следующие исторические и лингвистические данные.

Городище на мысе левого притока реки Оболянка в пределах деревни Клебань (историческое название – Старые Обольцы) стало одним из самых существенных открытий поездки. Площадка городища величиной в 37×55 м, ориентирована по направлению северо-восток – юго-запад. Со стороны поля ее огораживает земляной вал с обеих сторон высотой до 4–4,5 м. На южном склоне городища видна предполагаемая терраса (Илл. 1). Согласно преданию, гора – это могила сына некоей богатой помещицы, которая велела насыпать землю солдатам-рекрутам. На площадке городища в настоящее время расположено небольшое деревенское кладбище, где около свеженасыпанных могил видна черная земля (гумус) – остатки культурного слоя. По словам местных жителей, которые хоронят там односельчан, мощность культурного слоя достигает 0,5–1 м. На истоптанных местах вала видна его старая поверхность из глины. Возможно, к северу от городища также существовало селище.

Без археологических раскопок точно определить хронологию городища невозможно. Однако, судя по внешнему виду памятника (мысовое положение на берегу реки, укрепления в виде вала и террасы, наличие культурного слоя), а также по аналогиям в Витебском Подвинье и Оршанском Поднепровье, его можно отнести к периоду третьей четверти I тысячелетия н.э. [ср. Левко 2004: 43-44, рис. 24:4]. Вопрос о более раннем и более позднем этапах его существования (что является весьма вероятным) остается открытым. К сожалению, недостаточно разработанной все еще является общая карта археологических памятников железного века и раннего средневекья исследуемого региона [Сведения 1903; Алексеев 1959; Штыхов 1971: 78-82; Левко 2004: 204, рис. 4]. Сведения о памятниках зачастую противоречивы, во многих случаях о них известно лишь по литературе и т.д.

На расстоянии примерно 0,3 км на восток от городища, на похожем мысе того же притока реки Оболянки, находится место, где существовал Оболецкий костел (Илл. 2). Деревянное, топорами срубленное здание костела начала XIX в. не сохранилось. По рассказам местных жителей, власти закрыли костел перед самым началом II мировой войны, а взорван он был вскоре после окончания войны. По археологическим данным, культурный слой мощностью до 0,6 м на этой площади содержит керамику XIV–XVI вв. и более позднего времени [Левко 1993: 33]. Это позволяет, хотя и с некоторым сомнением, локализовать на этом месте Оболецкий двор великого князя Литовского. Принимая во внимание тот факт, что великий князь Ягайло был основателем костела в Обольцах, примерно на том же месте двора следует искать и остатки первого костела.

Дальнейшее развитие Оболецкой местности нетрудно предположить: местечко начало расти на восток от двора (Илл. 3), и, по данным конца XIX–XX вв., оно имело площадь для базара, церковь; большую часть его населения составляли евреи.

В связи с вышеизложенным, правдоподобным представляется наше положение о том, что Оболецкий административный, политический и культовый центр в XIV–XVI вв. в верховьях реки Оболянки был основан не на пустом (незанятом) месте, а являлся непосредственным продолжением существовавшего на этом месте укрепленного поселения – центра племенной или, даже, раннегосударственной эпохи. В связи с этим гипотеза Е. Охманьского об автохтонном происхождении балтского населения Обольцев приобретает новые существенные аргументы.

Немаловажным является факт, что в течение XV – начале XVI веков Обольцы еще входили в состав Виленского воеводства, в пределах которого они являлись наиболее выступавшим пунктом на востоке [Левко 2004: 90; ср. Jakubowski: 1927] (Илл. 3). Этим, вероятно, объясняется также существование здесь ойконима *Koniec Litewski* (XVI в.) [Ochmański 1967: 155].

Расширяя географию исследуемого Оболецкого микрорегиона, кроме деревни *Латыговка* (Łatygol [Ochmański 1967: 155]), заслуживают внимания ойконимы *Прусиничи* на северо-западе и деревня *Литвяки* на западе от Обольцев. До сих пор на два последних ойконима исследователи внимания не обращали. Согласно Е. Охманьскому, скопления ойконимов, восходящих к разным этнонимам, являются одной из особенностей иноэтнических микрорегионов на восточных и юго-восточных территориях Великого княжества Литовского [Ochmański 1967: 66–67].

О возникновении деревни *Литвяки* точные данные нам неизвестны. Что касается отмеченного топонима *Прусиничи*, то, скорее всего, его следует рассматривать в свете других ойконимов типа *Пруссы* на территории Польши, Беларуси и России. Исследователи связывают их с западнобалтским населением (переселенцами либо пленниками XII/XIII–XIV вв.) [Антоневич 1972; Квятковская 1997; Седов 2000: 18–19]. Следует также добавить, что в Оболецких Прусиничах был найден клад серебряных арабских и западноевропейских монет [Штыхов 1971: 81], который, скорее всего, относится к XI веку. До второй половины XX в. в пределах этой деревни известно несколько сохранившихся единичных курганов с земляными насыпями (данные 2006 г.). И, наконец, в этом н.п. в этнографических источниках упоминается некая *Княжья гора* [Аникиевич 1907: 8], о которой, к сожалению, более точных данных нет.

Существенно, что ойконимы, восходящие к этнонимам, коррелируют с относительно более ранним материалом XI–XII вв., о чем свидетельствуют во многих отношениях важные исследования 12 курганов около деревни Новинки (вар. Новинка; тот же Тол. р-н), где рядом существовала и деревня Латыговка. Опираясь на результаты раскопок, автор делает вывод о том, что наличие здесь погребального инвентаря прибалтийских типов (шейных гривен, подвесок и др.) среди типично славянских вещей, может свидетельствовать о смешанном характере местного населения того времени [Сергеева 1975; 1985].

Не менее перспективным, как и следовало ожидать, в плане комплексных исследований оказались межконфессиональные отношения, а также сопоставительный анализ этих данных с данными исторической и современной антропониими.

В интервью, взятых нами у информантов в дд. Клебань, Добровольск, Шупени и Немойта, отражен сложный процесс формирования межконфессиональных отношений в регионе. Как показывает материал, границы между двумя конфессиями размыты: люди часто праздновали два дня (по «новому», и по «старому» календарю), умерших хоронили на общем кладбище, выборочно ходили в костел либо в церковь. Как подтверждение последнего примера можно привести ситуацию в н.п. Оболецы, которые на протяжении XX в. все еще были важным центром католиков. По словам местных жителей, поскольку Оболецкий костел уже перед войной был запущен, они ходили в церковь. Эта своего рода двойственность очевидна до сих пор:

– Я считаю себя православным.

– А бацькі Вашиы?

– Бацькі? Я даже не знаю. И то, и другое. Пасху, допустим, они справляли и ту, и другую.

(Станислав Иванович Видмант, 76 лет, д. Добровольск. Зап. в 2006 г.).

Кроме того, по рассказам местных жителей, вероисповедование людей часто зависело от помещиков:

Жыў тут [в Клебанях] пан. Зарабіць нада людзям і ён гаворыць: «прымай маю веру» – ён польскі быў. Ну, і людзі прымалі веру, і станавілісь... палякамі. Во як. І работалі пры него.

– Калі гэта было, пры Вашай памяці?

– Нет, ні пры маёй. Бацька расказваў (ён пагіб на вайне) <...>. Раз тут пан жыў, тут усе былі католікі. А ў Кісялёве жыў зачытачны мужык такі. У него работалі. Прымалі яго веру.

– А яго вера якая была...?

– Праваслаўная. Вот і палучылась рассяе́дніне <...>.

– Вы самі католік ці праваслаўны?

– А хто яго ведае... Пра... Католік.

– А як Вы празнуеце?

– Па-новаму празнуем, па-новаму.

– А другія як празнуюць?

– А палавіна так, палавіна так (ВГ)

Устойчивая на территории Беларуси ассоциация католики – поляки, до сих пор яркие воспоминания местного населения именно о польском самознании и фамилии балтийского происхождения, встречающиеся между поляками, позволяют предполагать, что, в первую очередь, потомков Оболецких литовцев-католиков, крещенных еще по инициативе великого князя Ягайлы, следует искать среди польского населения. Характерны, например, такие

сведения информантов: «Ой, моя мама умела по-польски, ой-ой-ой» (Ядвига Карловна Борейко, 77 лет, родом из д. Бобаедово, в 2006 г. проживала в д. Немойта). Либо противоположный пример: «Считалось, что они католики, а по-польски прочитать ничего не могли, даже поздороваться не умели» (Станислав Иванович Видмант, 76 лет, д. Добровольск; 2006 г.). Ср. полевые записи:

- *Палякі тут жылі?*
  - Як палякі... Польская нацыя жыла тут. <...> Проста праваслаўныя і католікі жылі і ўсё, як і сейчас.
  - *Так католікі гэта тое самае, што палякі?*
  - Тож самае.
  - *А па-польску размаўлялі?*
  - Женціны размаўлялі. Песні пела Казакевіч Мальвіна, Анька Лівановіч. Па-польску песні пелі дае. На празніках <...>. Мша была на польскай мове.
  - *А шляхта была?*
  - Эта з Польшы каторыя прыехалі? Не была такіх. Толька каторыя веру прынялі.
- (Вячеслав Францевич Гурич, 77 лет, дер. Клебань. Зап. в 2006 г.).

Таким образом, вышеупомянутое положение о том, что существует взаимосвязь между антропонимией балтского происхождения и католическим вероисповедованием, не вполне соответствует ситуации в Обольцах.

Вплоть до XVII в. в значительном по масштабу регионе Полоцк – Витебск – Орша доминировало православие и число католических приходов здесь едва достигало 3-х (Обольцы, Полоцк, Витебск). За счет многочисленных фундаментов новых католических костелов, это же число в 1669 г. уже достигло 28 и постоянно возросло вплоть до разделов Речи Посполитой в конце XVIII в. [Туронак 1995: 178-179, 191-193]. За счет миграции литовцев из Ковенской и Виленской губерний в конце XIX в. (около 1880–1890 гг.) число католиков в Витебской и особенно Могилевской губерниях еще раз значительно выросло [Unukovič 2006]. Известно, что последние в некоторой степени обогатили и Оболецкий фонд антропонимии балтского (литовского) происхождения, что отмечалось А. Непокупным (см. ниже) [Непокупный 1976: 164]. Кроме того, по рассказам местных жителей, переселенцами были основаны хутора, например, *Литовский Бор* в южной части Сенненского района, на название которого необоснованно опирался П. Гаучас в контексте автохтонных литовцев [Gaucas 2004: 20]¹.

Упомянутые исторические факты и связанные с ними обстоятельства, безусловно, усложняют поиски балтийского (литовского) наследия. Существенную роль в изучении проблемы контактирования разных этнических групп и взаимодействия их языков может сыграть и анализ антропонимии.

¹ Нужно отметить, что в этот период происходила активная миграция и латышского населения, что требует отдельного рассмотрения.

Как известно, система собственных имен с течением становится хранилищем языковых реликтов. Однако антропонимическое исследование является довольно сложным, т.к. в данной группе слов взаимодействуют единицы, относящиеся к отдаленным друг от друга эпохам и разным культурным циклам.

Исследование антропонимии местных жителей н.п. Обольцы (по современному территориальному делению – Толочинский район Витебской области) впервые было проведено Е. Охманьским [1967] на основе записей Метрики ВКЛ, где помещены документы времени великого князя Казимира Ягелончика, а также двух инвентарей восточной части бывшей Оболецкой волости конца XVI в. Исследователь обратил внимание на то, что в середине XV ст. в Оболецкой волости селяне носили имена балтийского происхождения: *Добутис, Кушлевич, Мажелци, Монтейко, Норейко, Овилт, Римейшис, Тешило, Тричис, Свирклис, Филит, Эйжвид*, что впоследствии неоднократно упоминалось в научной литературе. Например, в 1593 г. в восточной части Оболецкой волости в документах зафиксированы имена балтийского происхождения, такие как *Курейша, Тюльпа, Одерейкович, Пляшко, Гира, Купрейкович, Купрейко, Дягил, Судилович* [Ochmański 1967: 150, 152, 154].

Существенное дополнение о составе и диахронических параллелях в ономастике региона Обольцев было внесено А. П. Непокупным. Опираясь на второй инвентарь имения Смоляны, включающий сведения о подданных фольварка Обольцы [АВАК: 463-473], а также на современные данные (похозяйственные книги Оболецкого сельсовета на 1969 г. и устные свидетельства жителей), собранные во время поездки в Обольцы, А. П. Непокупный установил ряд диахронических параллелей:

Кушлевич: 1440–1443 (Обольцы) – *Кушлевец, Кушлявец* (1969 – д. Жаки Обол. с/с, ср. лит. *kūšlas, kušlūs* ‘слабый, убогий; слепой, подслеповатый’);

Szownia: 1594 (Заставье) – *Micko Szownia* – совр. ф. *Шавня* (1969 – дд. Аленовичи, Обольцы); с. Шавнево (Горецкий р-н Мог. обл.), ср. лит. *šainiūs* ‘бравый, молодецкий, удалой’;

Szipienia: 1594 (Заставье – село «Konca Litewskiego») – совр. ф. *Шупеня* (дд. Аленовичи), *Шупенько, Шупени* (д. Михиничи Тол. р-н), д. *Шупени* Оболецкого с/с.

На основе проанализированных нами метрических книг можно отметить еще несколько параллелей, представляющих константу Оболецкого фамильного фонда:

Klim Gira: 1593 – *Hira*: 1753 [ТЦ], ср. дворянин *Мартинъ Гиро*: 1849 [СтЦ]; *Марья Гировна*: 1875 [СМК] – *Girà*, – лит. *girà* ‘квас’;

Rawel Diagil: 1593 – дворянинъ *Александр Дзяголевичъ*: 1853 заст. Обаль; ср. топоним *Дягилево* (Бешенк. р-на Вит. обл.);

Norejko: 1443 – *Норейко*: 1890, ср.: Дворянкою Михалиною *Норейко* (р.п.) <...> из имения Голошевь: [СтЦ].

Кроме того, в Книге записей 25 Литовской метрики за 1519 год находим упоминание о жителях д. Утрилова Оболецкой волости (в наст. в. – Алексиницкий с/с Сенненского р-на): *Петров Кзетовтович, Можулев Киркглегевич, Дробыш Вилтевич* и др. [LM: 163].

В отношении указанной А. Непокупным параллели Судимонт Доркгевич: ок. 1440–1443 – совр. топоним *Даргейки* Сенненского района, следует отметить, что нет оснований Судимонта Доркгевича считать жителем Оболецкой волости. Очевидно, он является сыном Даргиса – брата Кристина Остика, т.е. явно представляет нобилитет ВКЛ [Petrauskas 2003: 269–297], и ему великий князь Казимир Ягелончик неоднократно записывал подданных в Обольцах (см. Документы 1897: 10–11).

Новые данные по исследуемой проблеме содержат метрические книги XVIII–XIX вв., которые до сих пор не были предметом научного исследования.

Для сопоставления и выявления динамики онимов исследуемого региона нами были проанализированы книги метрических записей Сенненской (1700–1792), Толочинской (1700–1798), Оршанской (1700–1790), Старосельской (1849) римско-католических церквей; а также метрические экстракты Бабиновичского, Оршанского, Смолынского, Старосельского, Оболецкого, Толочинского римско-католических приходских костелов (1875); «Список прихожанъ обоего пола Р–К исповедования Мог. губ. Сенненского уезда Лукомльского прихода за 1853 год». Упомянутые документы хранятся в Национальном историческом архиве Беларуси в Минске.

Для расширения ареала мы использовали также метрические книги Горы-Горецкого (1709–1798), Копыского (1798–1801), Фашевского (1798) римско-католических приходских костелов Могилевской губернии (совр. Могилевская обл.). Данные источники охватывают по современному территориальному делению Сенненский, Толочинский, Оршанский, Дубровенский районы Витебской области и Круглянский, Шкловский, Горецкий районы Могилевской области. Отчасти привлекался материал метрических книг Быховского и Мстиславского районов Могилевской области.

В качестве источников второго хронологического среза (конец XIX – середина XX вв.) были проанализированы книги «Память» Толочинского, Оршанского, Сенненского, Дубровенского районов Витебской области, в которых представлены обширные материалы для антропонимических исследований.

Используя картографический метод, мы попытались установить динамику развития ареала фамилий балтийского происхождения конца XVII–XIX вв. (Илл. 4). Самые ранние метрические записи относятся к концу XVII – началу XVIII вв. Как показывает материал, антропонимы и топонимы балтийского происхождения в данном регионе образуют четкий и достаточно компактный ареал.

В метриках широко отражены древние двухосновные фамилии балтийского происхождения, носителями которых были, в основном, представите-

ли аристократических родов Великого княжества Литовского. Как отмечает Е. Охманский, документы свидетельствуют, что в Обольцах, кроме крестьян литовского происхождения, существовала группа местных, коренных литовских бояр, как например, Совирим Обольчанин, наряду с которыми во второй половине XV века появились бояре-литовцы из отдаленной Литвы: Милош Войшвиллович и Судимонт Доргевиц [Ochmański 1981: 61].

Значительная часть двучленных фамилий балтийского происхождения на территории Оршанского повета связана с периодом Великого княжества Литовского. Как отмечают исследователи, в XVI ст. Оршанщина преобразовалась из глубинки в пограничье Великого княжества Литовского и Московского государства, в связи с чем в этом регионе была сосредоточена значительная часть представителей шляхетского сословия. Обольцы, расположенные на пограничьи с Витебщиной, в XVI веке принадлежали великой княжне Елене, жене Александра Ягелончика; впоследствии перешли в руки королевы Боны, которая имела там своего наместника, а также своих землян [Sienkowicz 1983: 60]. Согласно Е. Охманскому, во владении Виленского бискупства существовала группа шляхты служебной [Ochmański 1963: 126].

В конце XVI ст. в Оршанский повет Витебского воеводства входили населенные пункты Могилев, Быхов, Крупки, Лукомль, Любавичи. В 1772 г. после первого раздела Речи Посполитой Оршанский повет был разделен на две части, большая часть вместе с Оршей вошла в состав Российской империи. После второго раздела Речи Посполитой в 1793 г. Оршанский повет полностью вошел в состав Российской империи.

Как показывает материал, в метриках данного региона широко отражены фамилии представителей шляхетского сословия.

Часть фамилий связана с древнейшими литовскими родами. Например, фамилия дворянина *Гедройць-Юрага*, отмеченная в XIX веке в метриках Старосельского костела (см. ниже), восходит к древнему княжескому литовскому роду Гедройцев, одна из ветвей которого носила придомок *Юрага*. Как указывает Е. Вольф, Станислав Юраго князь Гедройт, в 1577 и 1598 гг. получает подтверждение на села в Обельской волости [Wolff 1895: 66, 76].

Часть фамилий известных литовских боярских родов, таких как Гинтовты, Буйвиды, Бутвиловские, Сонгайло, не являются специфичными для данного региона; они отмечены в XVII веке в западной и центральной частях Беларуси. Например, фамилия дворян Бутвиловских, зафиксированная в метриках Оршанского костела XIX века, относится к представителям рода Бутвиловских герба «Прус», происходивших из Минского повета, ср. топонимы Бутвиловщина (застенок Лепельск. уезда).

Появление некоторых фамилий балтийского происхождения в данном регионе связано с миграцией отдельных представителей родов из западных районов Беларуси. Так, фамилии *Эйсмонт*, *Почобут*, зафиксированные в Толочинском приходе, свидетельствуют о разделении крупных шляхетских ро-

дов *Эйсмонты*, *Почобуты*, известных с XIV в., родовые гнезда которых расположены в Гродненском повете² [Wiśniewski 1977: 28].

Согласно проведенному исследованию, в метриках Толочинской, Оршанской, Сенненской римско-католических церквей (1700-1790) широко представлены фамилии балтийского происхождения, восходящие к древним литовским именам.

(литовские соответствия антропонимов приводятся по LPŽ):

Gedroic: *Michaelis Gedroic:* 1706 [ОЦ], ср. *Гедройць-Юрага*: Дворянина Юліана Франца *Гедройць-Юрага* <...> из имени Зареки Черейского прихода [СтЦ] – лит. *Gedráitis* – *giedrà* ‘ясная, солнечная погода’;

Mont-wid: *Ignatij Mątwid* [Орш.Ц.: 1700]; *Laurentij et Helena Montwidow* [Г-ГК: 1709]; ср. *Монтвид-Леадамский*; *Монвиж-Монтвид* (Лепель) < лит. *Montvydas*;

Buywid: *Petri Buywid* [Орш.Ц.: 1711], *Ioannes Bujwid*; *Petri Bujwid* [ТЦ.: 1744] < лит. *Buī-vidas*;

Esymont / Eysmont: *Francij Eysmont et Helena Eysmontowa* [ОЦ: 1707], *Josephi Eysmont, Ioannes Eysmont* [Толоч. Ц.: 1713; 1750, 1785]; ср. дворянинъ *Леонъ Эсьманъ* [Остров.П.: 1853] < лит. *Eis-mantas*;

Gintowft: *Marcelli Gintowft* [ТЦ.: 1785]; *Vincentii Gontowt* [С-ТЦ:1792]; *Михаиль Гинтовтъ* [ММК: 1860 Могил.] < лит. *Gìn-tautas*;

Dyrgint: *Thomas Dyrgint* [ТЦ: 1744]; *Dyrgint* < лит. *Dir-gintas*, где первый компонент, возможно, связан с лит. *dir̃ti* ‘лупить, сдирать; рвать’ [LPŽ, I, psl. 502]; ср. др.-прусск. *Dirgeiko* (1388), *Dirgowithe*, *Dirgethe* (1371) [Trautmann, 1925, p. 25].

Dougiert: *Josephus Dougiert* [БЦ: 1713]: лит. *Daū-girdas*, *Daū-girda* [LPŽ, I, psl. 469].

Kimbar *Ioanne Kimbar:* 1798 [ДЦ] < лит. *Kim-baras* < *Kin-baras*; [LPŽ, I, psl. 994]; др.-прусск. *Ki-bar* [Trautmann, 1925, psl. 44].

Norwid: *Symeonis et Brigida Norwid* [С-Тол Ц: 1792]; *Norwid* [КМН: 1701]: лит. *Nór-vidas*; *Nór-vydas* [LPŽ, II, psl. 336]; др.-прусск. *Ner-wyde* [Trautmann, 1925; p. 70].

Значительно представлены также фамилии, образованные от апеллятивной лексики балтийского происхождения в результате адаптации антропонимов после исчезновения конечных -as, -is, -us:

Janda: *Thoma Janda:* 1756 [ОЦ] – возможно, от лит. *Jūndzila* – *judėti* ‘двигаться’, *jūdinti* ‘двигать’, *jāudinti* ‘беспокоить, возбуждать чувство’;

Kulsha: *Paulum Kulsha:* 1753 [ОЦ] – лит. *Kulšỹs* – *kūlšis* ‘бедро’;

Putra: *Putra* [Т Ц.: 1750] – лит. *Putrà*, лат. *Putra* – *putrà* ‘похлебка’;

² Так, согласно исследованиям, Юрий Эйсмонт, наследственный владелец маёнтка Эйсмонты Малые-Пашевичи Крынковской парафии, а потом Малой Берестовицы Гродненского повета оставил маёнтак матери Марианне и братьям Якубу и Томашу, переехав в 1738 году в Борисовское староство Оршанского повета, где арендовал застенек Кавпеница. Юрий имел двух сыновей, Сымона и Александра, между которыми разделил свои владения, в том числе и на Гродненщине. Были признаны в дворянстве в 1795 году [Яцкевич 1999: 70].

Szawło: *Georgis Szawło* [ОЦ: 1702] – лит. Šaulys, šaulys ‘стрелок; воин, вооруженный винтовкой’;

Wakar: *Anna Wakar*: 1702 [ОЦ] – лит. vākaras ‘вечер’;

Часть фамилий отапеллятивного происхождения сохранила литовские форманты, другие фамилии в результате адаптации присоединили славянские суффиксы.

Burneyko: *Joannis Burneyko*: 1707 [ОЦ] – лит. *Burneyko* – burnà ‘рот’;

Gayda-m-owicz: *Josephum Gaydamowicz*: 1756 [ОЦ] – лит. Gaidys, gaidys ‘петух’;

Rymsza: *Rymsza*: 1750 [ТЦ], ср. Семень Римкевичь [Обол.К.: 1875].– лит. Rimša – rimša ‘тихий, спокойный’;

Szunko: *Petrum Szunko* [СЦ: 1781] – лит. šuo ‘собака’; šuneika ‘озорник, шалун’;

С н. XVIII века отмечаются фамилии, образованные от балтийских этнонимов:

Litwin: *Stanislai Litwin*: 1708 [ОЦ];

Litwinkowa: *Agatha Litwinkowa*: 1790 [ОЦ];

Litwinko: *Alexandrum Litwinko*: 1798 [Сенн. Ц.];

Zmuyd-ow: *Zmuydow*: 1798 [ФЦ].

Согласно метрическим записям, по сравнению с XVI веком, в к. XVII – начале XVIII вв. ареал фамилий балтийского происхождения расширяется в юго-восточном направлении (Горецкий, Фашевский, Быховский, Могилевский приходы):

Jan Gintowt: 1798 [ФЦ] – лит. *Gin-tautas*;

Mozeiko: 1710 [Гор.-Г.]– лит. *Mažeika*, – māžas ‘небольшого роста, маленький’.

Laurentij et Helena Montwidow: 1718 [Гор.-Г.] – см. выше;

Jozefo et Marianna Nareykow: 1710 [Гор.-Г.] – лит. *Nareikà, norèti, nóras* ‘хотеть, желать’;

Iogello [МФаш: 1889]– лит. *Jógèla, Jógèlas* [LPŽ, I, psl. 837-838] – лит. *Jogàila*.

Thaddeus Suryn [Гор.-Г: 1798] – лит. *Sùrintas*.

Как показывают метрические записи, в к. XVIII – н. XIX вв. в исследуемом регионе отмечено значительное количество фамилий, носителями которых являются представители высшего сословия. В данный период корпус фамилий балтийского происхождения в регионе Обольцев значительно увеличивается. Кроме отмеченных А.Непокупным фамилий *Нарбут*, *Трибуль*, *Шилало*, *Войтульянец*, в нашем материале зафиксированы фамилии, восходящие к дворянским родам:

Борейко: *Винцентина Элеонора Борейко*: 1890 [СтК.] – лит. *Bareikà*;

Барейша: фамилия шляхетского рода Барейшов фиксируется в Оршанском повете с XVI века, ср.: *Мария Барейша*: 1875 [ОК].

Бутвиловский: *Дворянь Киприяна и Лилии урожденной Рочмонтъ Бутвиловскихъ*: 1875 [ОК]; (Бутвиловский – лит. *Bùtvilas*);

Видмонт: мещанин *Антон Видмонтъ* из фольварка Видиничи Смолянского прихода: 1890 [СтЦ.], работник *Иванъ Видмонт*, сын Антония: 1853 дер. Волон-

ня [ЛП] – лит. *Výdmantas*; ср. в Комайском приходе: *Wid-montt* (1840); в Пинском д-те: *Видманъ* [МКПин:1867].

Юдко: дворян *Юстина и Анны урожденной Ожешковской Юдковъ* <...> в ф. *Немейковъ* [Смолян. К.: 1875] – лит. *Jodkà, júodas* ‘черный’;

Сонгайло: дворянинъ *Викентій Сонгайло:* 1849 [СтЦ] – лит. *Songáila*.

Согласно источникам, в начале XIX века в исследуемом регионе увеличивается количество фамилий балтийского происхождения; в метриках фиксируются новые фамилии балтийского происхождения, сохранившие конечные *-as*, *-is*, *-us*, что очевидно, связано с миграцией литовского населения в XIX веке:

Герулисъ: Феликсъ, сынъ Луки и Анастасии урожденной *Герулисъ:* 1852 [СЦ];

Дейнисъ: мещанъ Казимира *Герулиса* вдовца 35 лет съ Тересою *Дейнисъ* 21 летъ обоихъ из фольварка Рацева Старосельского костела: 1890 [СтЦ];

Тюнисъ: Андрей, сынъ Алексея и Дарьи урожденной Силицкой *Тюнисъ* родом из Коханово: 1852 [СтЦ].

В метриках Старосельской церкви XIX в. фиксируются фамилии, восходящие к литуанизированным крестным именам:

Самолюнас: Иосифъ, сынъ Варфоломея и Анны, урожденной Даниловичъ *Самолюнасъ:* 1852 < лит. *Samaliūnas* < *Samālius* из Самойла: Самуил;

Бинкис: крестьянин Матеуш *Андрунасъ* съ Теофилю *Бинкисъ* из застенка Титовки: 1890 < лит. *Binkys*: гипокор. из *Benediktas*. Ср. также фамилию Сабанис, отмеченную А. Непокупным.

Характерно, что в данном регионе главного водораздела Западно-Двинского и Днепровского бассейнов зафиксированы антропонимы, которые можно рассматривать как следствие контактов с соседними балтийскими племенами. Как отмечает Ю. Юркенас, согласно важнейшему закону развития собственных имен, формальное сходство отдельных единиц, возникших на базе разных апеллятивов, как правило, влечет за собой процесс конвергенции; поэтому возможно выделение определенного количества компонентов, которые с одинаковой вероятностью могут быть отнесены к двум (или более) онимическим явлениям [Юркенас 2003: 191]. Такие наименования не находят объяснения на материале одного языка. Приведенный ниже список собственных имен можно рассматривать как результат пересечения двух (или более) онимических рядов:

Klauz: *Thomas Klauz* [БЦ: 1713]; *Иозефы Клявзовъ* [См.К.: 1875] // лит. *Кловзкгаил* (у) // др.-прусс. *Clawsi-gail*; нем. *Klaus* [Юркенас, 2003, с. 192];

Трыбуль: 1969, 2006 (дд. Волковичи, Расно, Чеченево Тол. р-н);

Трыбендзис: антропооснова **Tri** (b)- находит отражение в древнеевропейской антропонимии: лит. *Tribulas, Tribas, Tribè* // нем. *Trieb, Trebs, Trib(i)us* [LPŽ, 1989, 1066–1067] // кельт. *Tri-bant, Tri-burtius* // иллир. *Tri-bulium* (см. Ю. Юркенас, в печати).

Wilant: *Stephanus Wilant* [О.Ц: 1752] // др.-прусс. *Wilind*;

Dongiel: *Antonina Dongiel* [ОЦ: 1752, с.735] // др.-прусск. *Dangil* // лит. *Dangėlaitis* // герм. *Dangel, Dengel* [LPŽ, I, psl. 454].

На правобережье Сожа (Кричевский, Малятичский, Мстиславский, Радомльский приходы) зафиксированы антропонимы балтийского происхождения: лит. *Simon Dowgiła* [Мстисл.Ц: 1798]; *Theophilia de Domo Bubelowna* [Радомл: 1798]; *Antonij Rymśa* [Крич.Ц: 1798]; *Casimiri Korbut* [Малятич.: 1798, с. 320, 328]; *Casimiri Gabrulis; Roza Giedroycowna, Petronella Oystreykowa* [Малятич.: 1798, с. 326, 347].

Как показывает материал, отдельные фамилии сохранили балтийские словообразовательные форманты:

-**eika:** Борейко, Бурнейка, Мажейка, Норейка;

-**elis:** *Bubel-owna; Oystreyk-owa;*

-**ulis:** *Трыбуль; Gabrulis;*

Часть фамилий осложнена славянскими суффиксами:

-**к:** *Іодко, Szunko;*

-**owicz:** *Gayda-m-owicz; Лев Сербантович* [БК: 1875]; *Семень Римкевичь* [ОбК.: 1875];

-**ский:** *Бутвил-ов-ский..*

Оболецкая фамилия *Видмант*, известная из метрических книг 70-х годов XIX в. (см. выше) и зафиксированная нами в 2006 г., позволяет высказать предположение о том, что антропонимия балтийского происхождения сопутствует и неким историческим службам при княжеском дворе. Основание для этого дает рассказ Станислава Ивановича Видманта³ (76 лет, родом из д. Поповка, в н.в. проживает в д. Добровольск)⁴.

На основе воспоминаний С. И. Видманта, мы составили его родовод. Характерно, что в нем все пять представителей разных поколений рода Видмантов родились в разных деревнях в относительно компактном ареале Обольцы – Толочин. Симптоматично, что все мужчины рода Видмантов (кроме одного – старшего?) уезжали в разные края, что, в первую очередь, свидетельствует о том, что они жили бедно. Очевидно, они не имели своей земли и суще-

³ Соответствующие звуко- и видеозаписи хранятся у авторов доклада.

⁴ – А што гэта за фамілія у Вас такая – *Відмант*?

– Я не знаю, может, со шведов, или от кого. Видмонт. Я жил в Латвии, то латыши говорят: «ты истинный латыш» <...>, а немцы говорят: «ты немец». По-латышски моя фамилия называется Видмант. *Вид* – это «среди», а *мант* – «имущество». А по-немецки *Видмант* – это «посвященный чему-то». Искусству, там чему.

– А Вы думаеце як?

– Я не знаю даже.

– А Вы сябе лічыце <...>

– Белорусом. Я много жил в России, так я не могу отвыкнуть говорить по-русски. Я в Москве учился, то меня считали истинно русским.

ственно не занимались земледелием на каком-либо арендуемом участке (уехав учиться, им, фактически, удалось избежать такого занятия и в колхозе). Возникает вопрос, как объяснить такой статус Оболецких *Видмантов*?

По словам С. И. Видманта, его прадед Иван Видмант был извозчиком: *Нада вот чалавеку куды заехаць, [ён] запрагае коней и ... хоць у Віцебск, хоць у Оршу, куда угодно. Занимался таким извозом. А извоз в социально-историческом плане является типичной службой при государственном (княжеском) дворе и выполнялся обычно путными слугами. По мнению историка М. Любавского, главной их повинностью был путь – они ездили по разным поручениям великокняжеских наместников (державцев, старост и воевод). В отношении своих прав путные слуги были близки к боярам (!) и отличались от них лишь тем, что со своих земель несли многие крестьянские повинности [Любавский 1892: 347-348]. Согласно исследованию историка В. Сенкевича, в инвентаре Оршанского замка 1560 г. зафиксированы поместья, в которых отмечено 9 деревень с 66 службами, что давало 160 дымов [Sienkiewicz 1983: 53].*

Предположение относительно социального статуса *Видмантов* позволяет объяснить, почему потомки предполагаемых служебников *Видманты* не стали ни особо богатыми, ни крепостными людьми, а также не были привязаны к одному определенному месту жительства, однако, остались в Оболецком округе⁵.

На основе анализа метрических записей исторически значимого региона можно провести онимические параллели, результаты которых представлены в таблице:

структ. тип ИС	ист. антр-м	совр. фамилия	топоним	локализация
примарные	Klim Gira: 1593 / Мартинь Гиро 1849			
	Szownia: 1594	Шавня: 2006	д. Шавнево	Горецкий р-н
	Кушл-евич: 1440	Кушлевец 2006		
вторичные	AnnaWakar 1702		д. Вакары	Сенненский р-н
	Nor-еjko: 1440			
	Nar-еуко: 1710		д. Норейково	
	Omielan Szup-ienia: 1594	Шупеня, Шупенька	д. Шупени	Круглянский р-н
	Pawel Diag-il: 1593 Дзягол-евич 1853	Дегал-евич	д. Дягицево	Бешенковичский р-н
композиции	Мож-улев: 1519 Moz-еуко: 1710	Мажейка		
	Суд-ил-ович 1593		Судиловичи	Оршанский р-н
	Видмонт: 1853	Видмант 2006		
	Eysmont 1707	Эйсмонт	Эсьмоны	Бельничский р-н

⁵ С. И. Видмант имеет лишь одну дочь – Наташу Анищенко и, таким образом, род *Видмантов*, увы, угасает.

ОТЭТНОНИМИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ:

- дд. Латыгово, Латытыголичи // ф. Латыгонов, Латыголец (д. Тростянка);
д. Литвяки // ф. Литвин (д. Застенки), Литвинов (Толочин, дд. Загатье, Зыбалы, Взносная), Литвинка (дд Муровничи, Евлахи);
д. Прусиничи // ф. Прусский (1880 д. Воронцевичи).

Таким образом, результаты анализа исторического и антропонимического материала свидетельствуют о сложных этнолингвистических процессах, происходивших в данном регионе. Археологические, исторические данные, а также выявленная динамика исторической антропонимии балтийского происхождения, позволяют утверждать, что регион Обольцы, расположенный в восточной части Витебской области на территории Беларуси, на протяжении очень длительного времени (с раннего средневековья до XIX века) был сосредоточением постоянных балто-славянских контактов.

Фамилии балтийского происхождения, засвидетельствованные в регионе Обольцы, представляют собой коллекцию разных хронологических пластов. Выделяется самый древний пласт, впервые выявленный Е. Охманьским, который представляет константу антропонимического фонда. Данные антропонимы являются устойчивыми в течение четырех-пяти столетий, закрепившись в современных белорусских фамилиях, а также в топонимии региона. Часть фамилий связана с разделением крупных родов и миграцией отдельных их представителей в XVII–XVIII вв. из западных районов Беларуси.

Самый поздний пласт литовских фамилий связан с колонизационным движением литовцев в XIX веке на территорию восточной части Витебщины. Сильная концентрация балтийских (литовских) антропонимов в регионе дд. Обольцы, Смоляны, Шупени, зафиксированных в XV–XVII ст., позже становится ядром ареала, который в последующих столетиях расширяется в восточном и юго-восточном направлениях, что свидетельствует о постоянном процессе распространения балтийских фамилий в данном регионе.

Таким образом, проблема балто-славянских контактов в данном регионе требует дальнейшего комплексного исследования.

Отдельного рассмотрения заслуживает латышская онимия, которая также широко представлена в Толочинском, Сенненском и Оршанском районах Витебской области.

Статья подготовлена на основе доклада, прочитанного на конференции, посвященной 75-летию со дня рождения проф. Анатолия Непокунного „Балтийские языки и диалекты в средневропейском пространстве“ (Вильнюс, 29 марта 2007 г.).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

герм.	– германский	с/с	– сельсовет
д.	– деревня	с.	– село
др.-прусск.	– древнепрусский	совр.	– современный
ф.	– фамилия	топ.	– топоним
заст.	– застенек	Беш. р-н	– Бешенковичский район Витебской области
лат.	– латинский	Орш. р-н	– Оршанский район Витебской области
лит.	– литовский	Тол. р-н	– Толочинский район Витебской области
н.в.	– настоящее время		
н.п.	– населенный пункт		
обл.	– область		

ИСТОЧНИКИ

- АВАК** Акты издаваемые Виленскою Археографическою комиссиею. Вильна, 1887, т. XIV.
- БК** Метрические книги Бабиновичский костела.
- БЦ** 1695 – 1798 *Метрические книги и выписи из них костелов Витебской и Могилевской губернии Биржанского, Быковского, Быховского, Бельничского, Воркляжского, Выщковского, Велионского о родившихся, вступивших в брак и умерших.* ф № 1781, оп. 26, ед. хр. 1226.
- ВГ** Вячеслав Францевич Гурич, 77 лет, дер. Клебань. Зап. в 2006 г.
- ВП** Именной список прихожанъ обоего пола Р-К вероисповедования Могилевской губернии Сенненского уезда, Сенненского Деканата Вязецкого прихода, составленный за 1853 г.
- Документы** Документы Московского архива Министерства Юстиции. Москва, 1897, т. 1.
- ДЦ** Метрические книги Дубровенской церкви о родившихся 1798.
- Гор.-Г.** Метрические книги Горыгорецкого костела Горыгорецкого уезда Могилевской губернии о родившихся 1709–1798 гг.
- ЛП** Именной список прихожанъ обоего пола Р-К исповедования Могилевской губернии Сенненского уезда, Сенненского Деканата Лукомльского прихода, составленный за 1853 г.
- МКМ** Метрические книги и выписи из них костелов Мстиславского, Оршанского, Сенненского, Чаусовского и Чериковского уезда Могилевской губернии о родившихся, вступивших в брак и умерших 1798–1801 гг.
- МКСТ** Метрические книги и выписи из них Саріанского, Сенненского, Толочинского, Ущицкого, Фащовского, Цискадского костелов Витебской и Могилевской губерний о родившихся, вступивших в брак и умерших 1701–1798 гг.
- МЭО** Метрические Экстракты о родившихся костелов Оршанского Деканата за 1875 г.
- ОК** Метрические книги Оршанского костела о родившихся 1875.
- ОЦ** Метрические книги Оршанской церкви о родившихся 1700.
- СЦ** Метрические книги Старосельской церкви о родившихся.
- СмК** Метрические книги Смольнянского костела о родившихся 1875.
- СтЦ** Метрические книги Старосельской церкви.
- ОбК** Метрические книги Оболецкого котела о родившихся 1875.

- Jakubowski J., 1927, *Mapa Wielkiego Księstwa Litewskiego w połowie XVI wieku. Część północna*. Lwów. (Цит. по: Казлоў Л. Р. 2004. *Беларусь у працах польскіх картографіў (XVI–XX стст.)*. Мінск, 89-91).
- Łowmiański H., 1968, *Geneza ziemi połockiej*, [in:] „Z Polskich Studiów Slawistycznych“, Seria 3 (Historia), Warszawa.
- Ochmański J., 1967, *Ludność litewska we włości Obolce na Białorusi wschodniej w XIV–XVI wieku*, [in:] „Acta Baltico-Slavica“, Białystok, t. 5, s. 147-158.
- Ochmański J., 1981, *Litewska granica etniczna na wschodzie od epoki plemiennej do XVI wieku*. Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu. Seria historia 96. Poznań.
- Ochmański J., 1972, *Biskupstwo Wileńskie w średniowieczu*. Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu. Seria historia 55. Poznań.
- Petrauskas R., 2003, *Lietuvos diduomenė XIV a. pabaigoje – XV a. Sudėtis – Struktūra – Valdžia*. Vilnius.
- Sienkiewicz W., 1983, *Bojarzy – szlachta i ziemianie w dobrach prywatnych w Wielkim księstwie Litewskim w pierwszej połowie XVI wieku* [in:] „Zapiski historyczne“, T. XLVIII, zeszyt 4.
- Unukovič J., 2006, *Lietuviai išeiviai Rytų Baltarusijoje XIX a. pabaigoje – XXI a. pradžioje*, [in:] „Liaudies kultūra“, nr. 6, p. 43-55.
- Wiśniewski J., *Osadnictwo wschodniej Białostoczczyzny*, [in:] „Acta Baltico-Slavica“, XI, 1977, s. 28.
- Zinkevičius Z., 1993, *Rytų Lietuva praeityje ir dabar*, Vilnius.

SUMMARY

Historian E. Ochmanski was the first to introduce the statement about Baltic heritage in Oboltzy region (Tolochinski and Sennenski rayons of Vitebsk region (Oblast). He considered that the Oboltzy Baltic heritage is autochthonous by nature. A.P. Nepokupny considered that the Lithuanian occupation of Oboltzi is the most trustworthy as well as the occupation of other West Slavonic lands.

The article presents and investigates the data of the complex investigations in 2006 the main aim of which is to prove the E. Ochmanski hypothesis as well as to find new data in the above mentioned region.

Combination of field investigations together with the historic and linguistic archive files permitted us to find some new aspects of the Baltic-Slavonic relations on the territory of Western Belarus.

Ancient settlement situated on the left tributary of the river Obolianka near Kleban village (its historic name is Old Oboltzy) is became one of the most significant discoveries (pic 1). By its appearance and analogies in Vitebsk Podvinie and Orsha Podniprovie the settlement can be attributed to the third quarter of the 1st millennium AD. The question of its earlier and late existence is still opened.

0,3 km. to the West of the settlement on the bank of the same Obolianka tributary there is a place where the Catholic Oboletzky church was situated till the middle of the XX century (pic 2,3). Due to *archaeological data the cultural layer contains*

ceramics of the XIV–XVI centuries and overgrowth. This allows us to consider though with some hesitation that the Oboletzky court of the Great Lithuanian King Jagailo was situated here. Taking into consideration the fact that the Great King Jagailo was the founder of the Oboltzy Cherkh in 1387 the remains of the first Catholic church can also be found here.

Taking into consideration the above mentioned it can be considered that in XIV–XVI centuries Oboltzy administrative, political and cultural center in the upper river Obolianska stream was founded by the Kings of the Great Principality of Lithuania not on a spear (not occupied) place but on the place of the previously reinforced settlement that was the center of the tribal or perhaps even early state era.

While investigating interconfessional relations in Oboltzy it was discovered that interrelations between anthroponomy of the Baltic origin and the Catholic religion (that is typical for central part of Belarus) does not fully correspond in case of Oboltzy. This fact made it significantly difficult to find the Baltic heritage in Oboltzy. That is why we analyzed the linguistic, chronological and geographic analyses of the anthroponomy.

The family names of the Baltic origin found in Oboltzy region are the collection of different chronologic layers. The most ancient layer that was first identified by E. Ochmanski is the constant of anthroponomy fund. The found anthroponomies were constant in the region during four-five centuries and were consolidated in modern Belarus names as well as in the region toponymy. A part of the names is connected separation of the big clans and migration of their representatives in XVII–XVIII centuries from the eastern part of Belarus.

The latest layer of the Lithuanian names is connected with the Lithuanian colonization movement in the XIX century on the territory of the western part of Vitebsk region. The strong concentration of the Baltic (Lithuanian) names in Oboltzy, Smoliany, Shupeny region fixed in XV–XVII centuries became later on the areal core that widen during next centuries in western and south-western directions and proves the constant process of the Baltic names distribution in this region.

Key words: areology, archaeological monuments, dynamics of the historical anthroponyms, onomastics, ethnolinguistic contacts.

Ключевые слова: ареалогия, археологические памятники, динамика исторической антропонимии, ономастика, этноязыковые контакты

ИЛЛЮСТРАЦИИ

1. Городище в дер. Клебань. Снимок М. Ужпелькиса 2006 г.

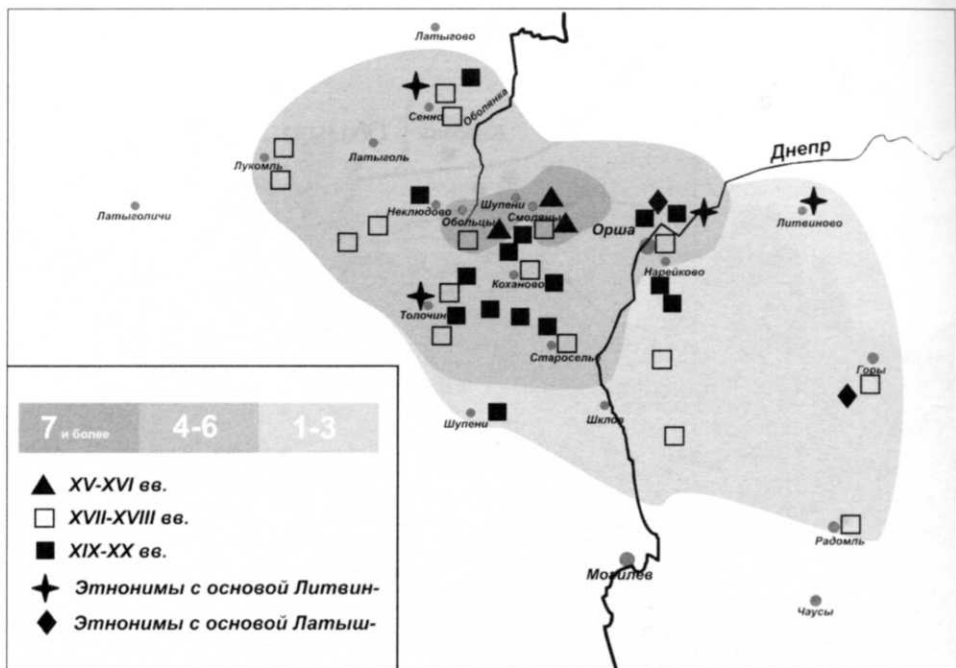
2. Вид на место двора и костела Обольцев со стороны городища.
Снимок В. Вайткявичюса 2006 г.

3. Схема археологических памятников у н.п. Оболцы.
Составил В. Вайткавичюс, 2007.

4. Фрагмент карты Великого Княжества Литовского
1645 г. [LŽ 70–71].

5. Ареал распространения фамилий балтийского происхождения. Составила Ю. Гурская, 2007.